

УДК 342

DOI: 10.18413/2075-4566-2018-43-1-119-123

**КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОБРАЗЫ ЭКСПЕРИМЕНТА:
ПОДХОДЫ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ****CONSTITUTIONAL IMAGES OF THE EXPERIMENT:
THE APPROACHES OF THE EUROPEAN STATES****Г.Г. Загайнова
G.G. Zagaynova**Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия,
Россия, 350002, г. Краснодар, ул. Леваневского, 187/1Northern Caucasian branch of the «Russian state University of justice»,
Russia, 187/1 Levanevskogo Str., Krasnodar, 350002, Russia

E-mail: goarikk@yandex.ru

Аннотация

В статье на основе анализа текстов конституций европейских стран представлены и охарактеризованы их подходы к закреплению эксперимента. Сделан вывод, что упоминание об эксперименте не является для европейских конституций типичным. При этом обнаружены принципиально различные подходы к его отражению в восточноевропейских и западноевропейских странах. Первые исходят из запретительной стратегии, закрепляя недопустимость научных, медицинских и иных экспериментов над людьми без добровольного их на это согласия и контекстно связывая эксперименты над людьми с пытками и унижающим достоинство обращением. Вторые придерживаются продуктивной стратегии, не только допуская, но и поддерживая эксперимент в сфере законодательства («положения экспериментального характера») и социальных институтов («федеральные опытные заведения», «опыты самоуправления»). В отношении человека научные эксперименты допустимы, если гарантируется сохранение личного достоинства, а опыты на животных обязательно регулируются законом.

Annotation

In the article, based on the analysis of the texts of the constitutions of European countries, their approaches to the consolidation of the experiment are presented and characterized. It is concluded that the reference to the experiment is not typical for European constitutions. At the same time, fundamentally different approaches to its reflection in Eastern European and Western European countries have been found. The former proceed from a restrictive strategy, establishing the inadmissibility of scientific, medical and other experiments on people without their voluntary consent and contextually linking experiments on people with torture and degrading treatment. The second adheres to a productive strategy, not only allowing, but also supporting the experiment in the field of legislation ("experimental provisions") and social institutions ("Federal experimental institutions", "experiments of self-government"). In relation to human scientific experimentation is permissible if it preserves personal dignity, and experiments on animals necessarily regulated by law.

Ключевые слова: Конституция, эксперимент, научные и медицинские опыты, положения экспериментального характера, правовой эксперимент, достоинство личности, пытки.

Keywords: The Constitution, the experiment, scientific and medical experiments, the position of a pilot nature, was a legal experiment, dignity, torture.

Эксперимент как способ познания приложим практически ко всем отраслям знаний. В одних его можно приравнять к атрибуту, в других он пролагает себе путь осторож-

ными исследовательскими дерзновениями. Применительно к юридической науке эксперимент чаще всего воспринимается как следственный или судебный, но не исчерпывается этим. Так, выявляются пределы эксперимента в области государства и права [Лазарев, 2010], польза правового эксперимента в совершенствовании законодательства [6; Ельцов, 2009]; возможности государственно-правового эксперимента, который законодательно был инициирован в сфере местного самоуправления [4]; конституционный эксперимент, который ассоциируется с конституционными «опытами» царского самодержавия в 1905 – 1907 гг. [Гальперин, 1982].

Несмотря на то, что среди синонимов слова «эксперимент» – проба, тест, исследование, испытание, каждый из которых вносит свои содержательные ноты в понимание эксперимента, именно опыт чаще всего называется в качестве синонима эксперимента [Александрова, 1999, с. 256, 491].

Трактуется эксперимент как «род опыта, имеющий познавательный, целенаправленно исследовательский, методический характер, который проводится в специально заданных, воспроизводимых условиях путем их контролируемого изменения» [7]. Эксперимент интерпретируется также и как форма, и как метод исследования [8]. Каждый из подходов заслуживает отдельного внимания, но в рамках данной работы остановимся на паре «эксперимент – опыт» и проанализируем тексты европейских конституций [9] на предмет не только отражения в них данных терминов, но и контекстных особенностей этого.

Прежде всего, отметим, что нередко в конституциях европейских стран «опыт» выступает в качестве ценза. Например, в соответствии с ч. 2 ст. 125 Конституции Албании назначению на должность судьи подлежат высококвалифицированные юристы, имеющие «опыт работы по специальности не менее пятнадцати лет». В ч. 1 ст. 96 Конституции Андорры указано требование «признанного юридического или служебного опыта» для конституционных судей Конституционного Трибунала.

В конституционных текстах европейских стран встречается употребление слова «опыт» в смысле критерия истины. Например, изменение «какой-либо части Основного закона Норвежского Королевства» осуществляется «на основании опыта» (§ 112), а, как следует из ст. 99 Конституции Люксембурга, «исключения в области налогообложения общины» определяются законом, исходя из необходимости, подтверждаемой «опытом».

В преамбуле Конституции Словакии речь идет о «столетнем опыте борьбы за национальное бытие и собственную государственность», а в Хартии основных прав и свобод Чехии – о «горьком опыте времен», когда на территории страны подавлялись права человека и основные свободы.

Приведенные конституционные варианты обращения к «опыту», не могут рассматриваться как синонимы эксперимента, а по смыслу соотносятся с практикой.

Опыт и эксперимент как взаимозаменяемые слова отражены в 6 (Болгария, Венгрия, Литва, Словения, Хорватия, Эстония) из 15 конституций восточноевропейских и в 4 (Австрия, Португалия, Франция, Швейцария) из 22 конституций западноевропейских стран. При этом в конституциях восточноевропейских стран – Венгрии, Словении, Эстонии – отдано предпочтение «экспериментам», а в Болгарии, Литвы и Хорватии – «опытам». Предпочтения западноевропейских стран также распределились поровну: Португалия и Франция – эксперименту; Австрия и Швейцария – опыту.

Анализ конституционных текстов показал, что запретными преимущественно являются и эксперименты, и опыты над людьми, но указываются и животные (Швейцария).

Рассмотрим подробнее конституционные варианты закрепления эксперименты/опыты, характерные для восточноевропейских стран. Прежде всего, интересен текст, с которым связываются эксперименты/опыты, – это императив недопустимости истязаний, жестокого, бесчеловечного или унижающего обращения (ч. 2 ст. 29 Конституции Болгарии); пыток или жестокого или унижающего обращения или наказания или рабства (п. (1) ст. III Конституции Венгрии); пыток, причинения увечий, унижения достоинства человека, жестокого обращения с ним, а также установления таких наказаний (абз. 3 ст. 21

Конституции Литвы); пыток, негуманного или унижающего человеческого достоинства наказания или обращения (ст. 18 Конституции Словения); применения пыток, жестокого или унижающего человеческого достоинства обращения либо наказания (ст. 18 Конституции Эстония). Отметим, что в той же ст. 21 Конституции Литвы подчеркнута неприкосновенность личности человека, что, на наш взгляд, верно отражает общее правило, детализированное через запрет пыток и научных или медицинских опытов над человеком.

Далее в продолжении или в отдельной части статьи уточняется, что никто без добровольного согласия не может быть подвергнут «медицинским, научным или иным опытам» (ч. 2 ст. 29 Конституции Болгарии), «медицинским и научным опытам» (ст. 23 Конституции Хорватии), «научным или медицинским опытам» (ст. 21 Конституции Литвы), «ни медицинским, ни научным экспериментам» (ст. 18 Конституции Эстонии). Через прямое запрещение «медицинских или научных экспериментов на людях», «научных или медицинских экспериментов» даны конституционные формулировки в Венгрии (п. (2) ст. III) и Словении (ст. 18) соответственно.

Следовательно, эксперименты/опыты над людьми соотнесены с пытками и унижением человеческого достоинства. При этом уточним, что пытки и унижение человеческого достоинства запрещены *ipso facto*, а эксперименты/опыты – только недобровольные. Это существенное требование конституционно отражено также с вариациями. Так, в конституциях закреплена недопустимость опытов «без ... добровольного письменного согласия» (Болгария), «без ... добровольного и осознанного согласия» (Венгрия), «без ... вedomо и свободного согласия» (Литва), «без ... добровольного согласия» (Словения), «без ... согласия» (Хорватия), «против ... воли» (Эстония). Интегрируя все конституционные характеристики императива «добровольности» в отношении экспериментов/опытов над человеком, полагаем, что он должен быть сформулирован так: «без вedomо или добровольного осознанного свободного письменного согласия» человека.

Необходимо обратить внимание на видовой ряд запретных экспериментов/опытов. Во всех случаях на конституционном уровне запрещены (не допустимы) осуществляемые в нарушение принципа добровольности медицинские и/или научные эксперименты/опыты. При этом считаем, что более ёмкой является «открытый подход», изложенный в Конституции Болгарии, когда наряду с медицинскими и научными опытами указываются и «иные». Кстати, именно такой подход реализован и в ст. 21 Конституции России: «2. ... Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным и иным опытам». Полагаем, что уточнением «иные» покрывается весь потенциальный спектр недобровольных экспериментов/опытов.

Западноевропейские государства, затронувшие в своих конституциях тему экспериментов/опытов, проявили большее разнообразие вариантов, с ними связанных. Эксперименты/опыты выступают в качестве предмета ведения (Австрия), объекта поддержки (Португалия) и регулирования (Швейцария), фактора отступления от законодательных положений (Франция).

Разберем детальнее указанные конституционные варианты. Так, в Конституции Австрии (ст. 14-а) установлено, что к ведению Федерации относится законодательство и исполнительная деятельность, касающаяся «публичных школ в области сельского и лесного хозяйства, организационно связанных «с каким-нибудь федеральным опытным заведением в области сельского и лесного хозяйства» (п. «с» ч. 2), «федеральные опытные заведения, относящиеся к сельскому и лесному хозяйству» (п. «g» ч. 2), а также «создание ... опытных заведений в области сельского и лесного хозяйства» (ч. 5). Следовательно, сельское и лесное хозяйство являются сферой не только допустимых, но и институционально поддерживаемых экспериментов/опытов. Именно для этого конституционно предусмотрены федеральные и иные «опытные» заведения.

Конституцией Португалии определено, что «в ходе научных экспериментов» законом гарантируется «сохранение личного достоинства и генетической индивидуальности человека» (ч. 3 ст. 26 «Другие личные права»). В данной связи следует отметить, что в

Португалии, как и в конституциях восточноевропейских государств, научные эксперименты представлены в сопряжении с сохранением личного достоинства. Однако в отличие от них эксперименты/опыты над людьми сами по себе не запрещены, а гарантировано сохранение при их осуществлении личного достоинства и генетической индивидуальности человека.

Помимо этого, в Конституции Португалии закреплено, что «осуществимые опыты самоуправления» поддерживаются государством (ч. 3 ст. 85 «Кооперативы и опыты самоуправления»), что означает не только допустимость, но и поддержку со стороны государства тех опытов самоуправления, которые являются осуществимыми. Представляется, что применительно к самоуправлению это значимая гарантия. Важность данного подхода важна также с точки зрения конституционализации продуктивного эксперимента/опыта.

Конституция Франции, по сути, конституировала правовой эксперимент. Так, в ней закреплено, что «положения экспериментального характера» могут содержаться в законе и регламенте «по ограниченному предмету ведения и на ограниченный срок» (ст. 37-1). Помимо этого, «в порядке эксперимента» при соблюдении определенных условий в предусмотренных органическим законом случаях административно-территориальные образования/их объединения могут отступать «от законодательных или регламентарных положений» (ст. 72). Подчеркнем при этом, что конституционно указаны исключения, в числе которых случаи, «когда ставятся под угрозу основные условия осуществления той или иной публичной свободы либо того или иного гарантированного Конституцией права». Поддерживая данный «исключительный перечень», обратим внимание на то, что вразрез с устоявшейся парой «права и свободы», во французской Конституции сначала указаны свободы, а затем права. Учитывая, что в иных конституционных нормах (ст. 13, 53-1, 61-1 и др.) свободы следуют за правами, есть основания для вывода о приоритете осуществления «той или иной публичной свободы», а не конституционно гарантированного права. Вероятно, в данном случае проявился девиз французской республики – «Свобода, Равенство, Братство».

Швейцария в своей Конституции «опыты на животных» определила в качестве предмета регулирования со стороны Союза (п. «b» ст. 80 «Охрана животных»). В сравнение: в конституциях восточноевропейских государств об экспериментах/опытах на животных речи не ведется. Вместе с тем предусмотренные австрийской Конституцией федеральные опытные заведения в области сельского хозяйства, наверняка, предусматривают в законодательно определенных рамках опыты на сельскохозяйственных животных.

Подводя итог исследования конституционных текстов европейских государств, отметим, что эксперименты/опыты не являются типично упоминаемыми – только в 10 из 37 конституций о них сказано. Контекстный анализ показал, что в конституциях восточноевропейских стран научные, медицинские и иные эксперименты/опыты касаются людей и являются запрещенными, если они не добровольны. В конституциях западноевропейских стран эксперименты/опыты получили не запретную, а продуктивную окраску применительно к законодательству («положения экспериментального характера»), социальным институтам («федеральные опытные заведения», «опыты самоуправления»), человеку («в ходе научных экспериментов гарантируется сохранение личного достоинства») и животным (опыты на которых законодательно регулируются).

Таким образом, изложенное позволяет обозначить два подхода европейских государств к конституционализации экспериментов/опытов: запретительный (восточноевропейский) и продуктивный (западноевропейский).

Список литературы References

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка : Практический справочник. – М., 1999.
Aleksandrova Z.Ye. Slovar' sinonimov russkogo yazyka : Prakticheskiy spravochnik. – M., 1999.

2. Гальперин Г.Б. Конституционные опытами царского самодержавия в первой русской революции 1905 – 1907 гг. // Вестник Ленинградского университета. Серия Экономика. Философия. Право. 1982. № 4.

Gal'perin G.B. Konstitutsionnyye opytami tsarskogo samoderzhaviya v pervoy russkoy revolyutsii 1905 – 1907 gg. // Vestnik Leningradskogo universiteta. Seriya Ekonomika. Filosofiya. Pravo. 1982. № 4.

3. Ельцов В.Н. Правовой эксперимент в современной России: Проблемы эффективности: автореф. дис... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009.

Yel'tsov V.N. Pravovoy eksperiment v sovremennoy Rossii: Problemy effektivnosti: avtoref. dis... kand. yurid. nauk. Tambov, 2009.

4. Закон Российской Федерации от 6 июля 1991 г. № 1550-1 «О местном самоуправлении в Российской Федерации» (утратил силу) // <http://base.garant.ru/5226681/>

Zakon Rossiyskoy Federatsii ot 6 iyulya 1991 g. № 1550-1 «O mestnom samoupravlenii v Rossiyskoy Federatsii» (utrtil silu) // <http://base.garant.ru/5226681/>

5. Лазарев В.В. К вопросу о понятии и пределах эксперимента в области государства и права // Лазарев В.В. Избранные труды. М., 2010.

Lazarev V.V. K voprosu o ponyatii i predelakh eksperimenta v oblasti gosudarstva i prava // Lazarev V.V. Izbrannyye trudy. M., 2010.

6. Правовой эксперимент и совершенствование законодательства / под ред. В.И. Правовой эксперимент и sovershenstvovaniye zakonodatel'stva / pod red. V.I. Nikitinskogo i I.S. Samoshchenko. М.: Yurid. lit., 1988.. Никитинского и И.С. Самощенко. М.: Юрид. лит., 1988.

7. https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/3770

8. <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01018eca6f4d1af1c1392301>

9. <http://worldconstitutions.ru/>